

«УТВЕРЖДАЮ»

Директор федерального государственного бюджетного учреждения «Научно-исследовательский институт теории и истории архитектуры и градостроительства Российской академии архитектуры и строительных наук» (НИИТИАГ РААСН)

Бондаренко Игорь Андреевич,
доктор архитектуры, профессор,
член-корреспондент РААСН
«15» мая 2014 г.

ОТЗЫВ

ведущего научного учреждения на научно-исследовательскую работу Судзуки Юя «Конкурс на Дворец Советов 1930-х гг. в Москве и международный архитектурный контекст», представленную к защите в качестве диссертации на соискание ученой степени кандидата искусствоведения по специальности 17.00.04. – Изобразительное и декоративно-прикладное искусство и архитектура.

На протяжении XX века отношение и сам характер изучения советской архитектуры 1920-х и 1930-х – 1950-х годов постоянно менялись. Оценка модернизма и традиционализма и даже собственно признание их существования и места в общей совокупности всех создававшихся сооружений оказывались противоположными в разные периоды столетия. Это было связано с трансформациями в области доминировавшей идеологии, а в последние годы советской эпохи – с общей ситуацией некоторой инерционности мышления. Не секрет, что даже сегодня, по прошествии более чем полувека со времени расцвета архитектуры советского неоклассицизма середины XX века, постройки того времени нередко вызывают заведомо субъективно-негативное отношение и ассоциируются с репрессивным режимом. Только в последние 15-20 лет отечественное и

зарубежное искусствоведение начало окончательно переходить на путь объективного рассмотрения создававшихся произведений зодчества с позиций «чистого искусства». На пути объективизации рассмотрения архитектурного материала 1920-х и 1930-х гг. и в нашей стране, и за рубежом, начинается привлечение методологии теории истории анналов, что позволяет представить архитектурный процесс этих сложнейших переходных периодов во всей сложности и многообразии.

Исследование Юя Судзуки относится именно к той группе работ, в которых делается попытка объективного и всестороннего детального рассмотрения архитектурной реальности 1930-х гг. во всей сложности и противоречивости. Объектом изучения является архитектура проектов конкурса на Дворец Советов в Москве 1931 – 1933 гг. и окончательного варианта 1933 – 1941 гг. Но предмет исследования гораздо шире и касается попытки выявления тенденций и особенностей архитектурного развития 1930-х гг. в СССР и в ряде зарубежных стран. Для этого хронологические рамки работы намеренно расширены: в первой главе (играющей роль вводной по отношению к основному корпусу работы) они охватывают 1920-е гг., а в четвертой главе, применительно к зарубежному материалу, охватывают период первых четырех десятилетий XX века.

В первой главе автор обращается «к феномену идеи создания «главного здания страны» и к образно-стилистическим поискам в архитектуре первых лет советской власти» на примере конкурсов на Дворец рабочих в Петрограде 1919 г. и Дворец труда в Москве 1922-23 г. После разбора программ конкурсов, на основе детального рассмотрения участвовавших в них проектов показана картина сосуществования в этот период различных стилистических направлений, в основном, в русле «романтизированного историзма». В конкурсе на Дворец рабочих в Петрограде наиболее яркими стали работы А.Е. Белогруда в стилистике гиперболизированного неоренессанса и И.А. Фомина в формах изобретенного им стиля «пролетарской классики» или «красной дорики», впоследствии получившего воплощение во многих крупных постройках 1920-х гг. Важно, что при изучении проектов конкурса, которые в сущности достаточно хорошо известны и были не раз опубликованы, японскому исследователю удалось разглядеть много черт, не привлекавших ранее пристального внимания: например, в варианте И.А. Фомина им замечена большая роль скульптурных композиций и символических статуй, чередующихся с выбитыми в камне текстами, задуманными наподобие древнеримских лозунгов и эпитафий.

Проходивший тремя годами позднее конкурс на Дворец труда в Москве традиционно связывается в литературе с первым программным проектом конструктивизма,

выполненным братьями А.А., В.А. и Л.А. Весниными. Однако в реальности преобладающее число из примерно 50 поданных на конкурс проектов были выдержаны в различных вариациях романтизированного традиционализма. Между тем, всё еще актуальным остается утверждение В.Э. Хазановой конца 1960-х годов, что «... сейчас только в узком кругу специалистов изредка возникает интерес к остальным работам конкурса, да и то в связи с творчеством отдельных архитекторов...»¹. Юя Судзуки в своем исследовании обратился к систематическому последовательному рассмотрению значительного числа проектов конкурса Дворца труда, что позволило убедительно продемонстрировать богатейшую палитру существовавших в это время стилистических тенденций от неоренессанса или вариантов неороманики и неоготики до различных ветвей экспрессионизма, романтизации индустриальных мотивов (проект И. Голосова) или футуризма (проект К. Мельникова). Во второй части первой главы, кратко характеризуя итоги ряда других архитектурных конкурсов на крупнейшие сооружения для центра Москвы, исследователь метко подмечает, что даже в середине-второй половине 1920-х гг., в период наибольшего распространения и доминирования в советской России архитектуры авангарда, для реализации нередко выбирались сооружения в стилистике традиционализма и ар деко: таковы здания Центрального телеграфа И.И. Рерберга на ул. Тверской (конкурс 1925 г.) и библиотеки им. В.И. Ленина В.А. Щуко и В.Г. Гельфрейха вблизи Кремля (конкурс 1928 г.). В ряду развернутых выводов к главе выделим весьма справедливое рассуждение об актуальности «нереализованного наследия» конкурсов 1920-х гг. (по выражению С.О. Хан-Магомедова), которое остается «богатейшим собранием экспериментальной архитектуры – источником развития зодчества будущего» (стр. 47).

Вторая и третья главы исследования посвящены собственно детальному систематическому рассмотрению проектов всех этапов конкурса на Дворец Советов 1931-1933 гг. и хода окончательной доработки проекта вплоть до 1941 г. Разделение материала на две главы вызвано не только весьма обширным объемом собранной информации, но и логически оправдано, поскольку 1-й и 2-й туры, разбираемые во второй главе, относятся к так называемому «свободному» периоду проектирования, тогда как разбираемые в третьей главе заключительные заказные 3-й и 4-й туры, с ограниченным числом избранных участников, и процесс кристаллизации окончательного варианта Дворца Советов, проходили в обстановке существенного идеологического давления.

¹ В.Э. Хазанова. Советская архитектура первых лет октября. 1917 – 1925 гг. М., 1970. С. 139-140.

Значительным достоинством работы Юя Судзуки является систематическое рассмотрение каждого проекта отдельно с обязательным разбором планировки, объемно-пространственной композиции, стиля, особенностей решения интерьеров, использования скульптуры. Принципиальным на этом пути является подход к каждому проекту отстраненно от политических и идеологических коллизий тех лет.

Однако исследователь не отказывается полностью от характеристики эпохи: важную роль в структуре работы играет помещенная в 1-м параграфе 2-й главы сводная хронологическая таблица, в сжатой форме раскрывающая напряженность и драматизм политико-идеологических изменений, влиявших на развитие архитектуры. Одновременно убедительно раскрыта вся противоречивость и неоднозначность архитектурной ситуации тех лет, усиливавшиеся противоречия и раскол в рядах советских архитекторов-модернистов с одной стороны, разочарование в идеях конструктивизма студенчества и образование им ВОПРА, и, с другой стороны, усиление позиций академиков-неоклассиков, а также появление промежуточного «третьего направления», близкого по стилистике к ар деко (в лице Б.М. Иофана, А.Н. Душкина и других). Вместе с тем, весьма убедительно на конкретном фактическом материале показано, что, несмотря на официальную переориентацию стиля советской архитектуры после выхода 23 апреля 1932 г. Постановления ЦК КПСС «О перестройке литературно-художественных организаций», в реальности в силу специфичности такого вида искусства, как архитектура, требующего для воплощения сооружений значительного времени, на протяжении 1930-х гг. завершалось строительство крупнейших произведений авангардного направления.

Особым достоинством двух центральных глав диссертации является, наряду с систематическим разбором десятков проектов конкурса и составлением авторской классификации проектов по типам пространственно-планировочных и объемных решений и стилистике, привлечение подлинных источников того времени: широкого круга архивных материалов, касающихся хода проведения этапов конкурса, а также критических публикаций 1930-х гг. Незначительным недочетом можно считать некоторую растянутость изложения формальных особенностей организации конкурса, часть которых можно было бы перенести в примечания.

На основе анализа 15 проектов 1-го (предварительного) тура делается вывод, что они отразили «сложившееся к началу 1931 г. почти полное доминирование авангардного направления зодчества» (с. 92); однако, справедливо подчеркнуто, что «в 1-ом туре ... не участвовали виднейшие представители традиционалистского направления..., и прежде всего, И.В. Жолтовский и его последователи» (с. 93). Особенно интересными стали в

проектах 1-го тура идеи о создании пространств для уличных массовых шествий и театрализованных действий.

Наиболее подробно исследователь рассматривает проекты 2-го открытого международного тура, который явился кульминацией всего конкурса и одним из важнейших событий в истории мирового зодчества 1930-х гг. Из-за большого обилия проектов 2-го тура (более 250), автор разделил их на группы. В первую очередь разбираются имевшие особый статус «заказных внеконкурсных» два десятка работ иностранных авторов, большинство из которых имели к тому времени всемирную известность: Армандо Бразини, Огюст Перре, Ханс Пёльциг, Вальтер Гропиус, Ле Корбюзье, Эрих Мендельсон и другие. Особенностью этой группы проектов с позиции стилистических решений стало приблизительно равное число работ в духе авангарда и различных вариаций традиционализма. Среди объемно-пространственных композиций здесь преобладали горизонтально растянутые комплексы без крупных высотных доминант. Показательно, что один из таких проектов, американского автора Гектора Гамильтона, с «пилонно-лопаточным» оформлением фасадов в духе ар деко, даже получил одну из трех высших премий. После проектов зарубежных мастеров автор обращается ко всем премированным работам, получившим высшую, первую, вторую и третью премии. Более сжато рассмотрен корпус непремированных проектов, которые классифицированы по пространственно-планировочным типам. В выводах автор подчеркивает, что за исключением группы из трех проектов, удостоенных высшей премии (Гектора Гамильтона, И.В. Жолтовского и Б.М. Иофана), которые в большей или меньшей степени продемонстрировали приверженность традиционализму, преобладающее число всех других работ (около 200) были выполнены в стилистике модернизма. Автор убедительно показывает, что это богатейшее собрание идей в русле экспериментальной архитектуры до сих пор мало изучено и оценено. Между тем, и премированные, и значительная часть остальных проектов, обладают выразительностью, яркостью и разнообразием образно-пространственных решений.

При рассмотрении в третьей главе итогов 3-го и 4-го туров показано, что наряду с определенным числом работ, выполненных в стилистике новаторского зодчества (проекты М. Гинзбурга, Н. Ладовского, братьев Весниных), на этом этапе стали преобладать вариации, основанные на использовании форм архитектурного наследия прошлого. Не отрицая общеизвестных фактов административно-командного давления «сверху» на процесс проектирования в рамках этих туров, Судзуки обращается не к идеологическим вопросам, а к выявлению формально-эстетических достоинств многих работ, которые так же до сих пор мало оценены – это, в частности грандиозные по масштабу и

изобразительной мощи замыслы А.В. Щусева и И.В. Жолтовского в духе штудий Пиранези. В заключительной части третьей главы подробно, с привлечением широкого круга архивных источников, разбирается ход сложения окончательного варианта Дворца Советов. Автор, пожалуй, впервые в отечественной искусствоведческой науке, особенно подробно и аргументировано останавливается на теме влияния на финальный проект Дворца Советов практики строительства небоскрёбов США – использования не только инженерных технологий, но и собственно стилистики, которые в этот период подробно изучались Б.М. Иофаном и его соавторами в ходе ряда специальных заграничных командировок.

Последняя четвертая глава исследования «Архитектура первых четырех десятилетий 20 века в Германии, Италии, США, Японии. Феномен многостилья и «официального стиля в мировом зодчестве 1930-х гг.», на первый взгляд, могла показаться избыточной при обилии материала трех первых глав. Однако аналитический обзор особенностей стилистического развития зодчества ряда стран, безусловно, значительно расширяет общую картину мирового архитектурного процесса и позволяет рассмотреть конкурс на Дворец Советов не изолированно, а в рамках международного контекста. Справедливым, хотя и отчасти неожиданным, представляется утверждение, что обобщенно архитектурную реальность первых четырех десятилетий XX века можно определить как продолжающийся процесс многостильевого развития, где архитектура модернизма являлась только частью, а к началу 1930-х гг. переживала определенный кризис, созвучный кризису архитектуры начала XXI века. В качестве замечания хочется отметить излишне описательный характер параграфа, посвященного архитектуре Германии.

В Заключении диссертации подводятся основные итоги исследования и подчеркивается чрезвычайная актуальность этого материала для нашего времени – при чем, не только для искусствоведческой науки, но и для практики проектирования.

Высказанные замечания никоим образом не умаляют большого научного значения работы Ю. Судзуки. Особо хочется отметить отрадный факт, что за эту сложнейшую, далеко не исчерпанную в одной диссертации, тему взялся не отечественный исследователь, а представитель Японии, которому хочется пожелать продолжения исследований и подготовки монографии к публикации.

Диссертация Судзуки Юя заслуживает присуждения ему искомой степени кандидата искусствоведения по специальности «Изобразительное, декоративно-прикладное искусство и архитектура» (17.00.04). Текст исследования соответствует требованиям «Положения о порядке присуждения научным и научно-педагогическим работникам ученых степеней и присвоения научным работникам ученых званий» ВАК РФ.

Автореферат соответствует тексту диссертации, основные итоги исследования опубликованы в 9 научных статьях, в том числе в трех статьях в журналах из списка ВАК.

Настоящий отзыв составлен доктором искусствоведения Нащокиной М.В., обсужден и принят Отделом Архитектуры Нового времени Федерального государственного бюджетного учреждения «Научно-Исследовательский Институт Теории и Истории Архитектуры и Градостроительства Российской Академии Архитектуры и Строительных Наук» (НИИТИАГ РААСН)

«14» мая 2014 г. (Протокол № 3)

доктор искусствоведения, (Нащокина М.В.)

главный научный сотрудник НИИТИАГ РААСН, Заведующая Отделом Архитектуры Нового времени, Член-корреспондент РААСН

Подпись М.В. Нащокиной

*Начальник отдела
Вовченко И.В.*

